

12 ИЮН 1983

Покоряющие истины

О гастролях в Москве Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова

СМОЖНО ли оперный театр захватывать умы современников? Со всей уверенностью можно ответить: да, если его традиции сочетаются с новизной современных постановочных идей. Если дело вершат талантливые музыканты. Если театр идет своим особенным путем.

Таков прославленный Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова, отмечавший в нынешнем году свое 200-летие. Его юбилейные московские гастроли, можно сказать, всколыхнули новые «страсти по опере», возбудили жаркие диалоги...

Гастрольную афишу ленинградского театра составили спектакли разных лет — прежде всего оперы, занимающие центральное положение в истории самого театра и русской музыки в целом.

Театр бережно хранит великие традиции, созданные выдающимися мастерами советской оперной сцены: театральную живопись Федора Федоровского к историко-народным операм («Сусанин», «Псковитинка») с ее характерной сценической насыщенностью и поэтизацией русской архитектурной старины; стильные постановочные решения режиссеров Евгения Соколовникова и Романа Тихомирова, отличающиеся большой чуткостью (у каждого — в своем роде) к музыкальной первооснове оперы; традиций классической русской вокальной школы с ее требованиями правды и простоты,

естественности и задушевности пения, которыми отличается пение не только ведущих солистов ленинградской труппы, но и ее замечательного хора, вот уже тридцать лет пестуемого главным хормейстером театра Александром Мурзиным.

А рядом с этим — смелые эксперименты, связанные с приходом в театр нового поколения музыкантов, художников, балетмейстеров, либреттистов, режиссеров — постановщиков всех родов — и особенно нового главного дирижера Юрия Темиряканова. Его дебют в 1975 году в постановке «Петра I» Андрея Петрова стал музыкальным событием. И уже в этом первом спектакле, создававшемся в тесном содружестве с композитором и балетмейстерами-либреттистами Н. Касаткиной и В. Васильевым (и вновь с успехом сыгранным в Москве), проступил смелый и естественный облик музыканта, жаждущего большой битвы за современный оперный театр. И он эту битву развязал.

С легкостью, с каким-то пушкинским изяществом исполнительского «слогана» и вдохновенной восприимчивостью ведет Юрий Темиряканов весь многогранный театральный ансамбль оперы «Евгений Онегин», выделяя в то же время необычайно рельефно ее симфоническую драматургию, делая оркестр как бы «главным действующим лицом» наряду с Онегиным и Татьяной. У Темиряканова есть своя особенная — острая исповедальная и

в то же время непрекращаемо своя концепция музыки Чайковского. Она проступает и в его интерпретациях симфонических полотен великого русского композитора (в частности в Шестой симфонии, которую оркестр ленинградского оперного театра исполнил под его управлением в дни московских гастролей). Он любит яркость всех «слов» богатейшей музыки Чайковского. Пение народных хоров, словно зовущих в задумчивые поля и рощи привольных среднерусских земель, и пустая скамья Онегина; белый шарф убегающей Татьяны, остающийся в руках героя как лирическая память и надежда... Бесконечен поток театрально-музыкальных сюрпризов, складывающихся в поэтическое целое спектакля «Евгений Онегин».

Но всего удивительней образ живого, неяркого, но удивительно выразительного Онегина, каким его создает певец В. Лебедев. Это Онегин без скепсиса и обычно холодного «металла» в голосе, Онегин с нотками сердечной теплоты. И хотя из четырех показанных в Москве «Онегиных» не все были удачными в полном смысле слова, в целом уровень этого спектакля, которым ленинградцы открыли свои гастроли, оказался недостижимым для других постановок театра.

Особенно пострадала «Псковитинка». Эмоциональное раскрытие музыкальной драмы сковывала деловитая прозаическая манера дирижера В. Каленцева. Вот почему так «незаметно»

(шутка ли сказать!) прошла одна из важнейших сцен народного вече в древнем Пскове, с ее спорами и перекличками хоров, с ее песней вольницы. Непонятна причина отказа постановщиков от гениальной режиссерской находки Шалапина — молчаливого вступления Ивана Грозного на площадь Пскова. Выдающийся актер-певец театра В. Морозов, вынужденно интерпретирующий трагическую финальную сцену оперы, использует еще не все средства для создания убедительного «оперного» образа Ивана Грозного.

Спектакли ленинградского оперного театра поразили слушателей встречи с многими одаренными певцами, имена которых ранее не были известны. Прежде всего это Т. Новикова, яркая исполнительница центральных партий в операх «Евгений Онегин», «Лозингин», «История Кая и Герды» (ленинградского композитора Сергея Баневича). Запоминающиеся вокально-сценические образы создали певцы, уже известные, такие, как Ю. Марусин (Ленский), Л. Филатова (няня, Снежная Королева), С. Леиферус (его высшее достижение в московских гастролях — партия Чичикова в «Мертвых душах»), и партия Энрико в опере «Колокольчик» Доницетти), И. Богачева (Марта в «Петре I», Амнерис в «Аиде»).

Справедливости ради следует заметить, что в исполнении некоторых партий опытными певцами встречаются и, к сожа-

нию нередко, интонационные неточности, грубое форсирование звука, особенно нетерпимы в таких хорошо известных каждому любителю операх, как «Онегин», «Сусанин», «Аида». Думается, знание солиста прославленного ленинградского театра обязывает к большей взыскательности, образцы которой — тут же, рядом с тобой на сцене.

Здесь прежде всего хочется назвать имя певца, чье тончайшее мастерство и высокий вкус снискали любовь и признание самых широких масс. Вряд ли найдется еще на наших сценах колоратурное сопрано такой эстетической красоты и профессиональной «выкованности», каким обладает Галина Ковалева. Ее участие в спектаклях «Иван Сусанин» и «Петр I» озаряло поэтическим светом многие сцены, было камерным художественно-го стилем для певцов-партинеров.

Солидно выступили ленинградские басы: Н. Охотников, певец высокого профессионального мастерства и сценического благородства, Б. Штоколов, создавший в присущей ему одному «народной» манере героический образ Сусанина — характер степенный, «важкий», каким его и хотел видеть Михаил Иванович Глинка. В центральных драматических эпизодах, благодаря глубокому по внутреннему чувству исполнению Штоколова, на сцене воцарилась правда и возвышенная простота истинной трагедии...

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.